

[НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!]

ДВА ЭПИЗОДА ВОЙНЫ

Имя участника Великой Отечественной войны Константина ТЫЩЕНКО хорошо известно в ветеранских кругах. Несмотря на возраст, он сохраняет активную жизненную позицию, в недавнем прошлом часто выступал в трудовых коллективах, получал приглашения от образовательных учреждений города. А еще Константин Николаевич вполне может считаться нашим коллегой, ведь в молодости он работал в одной из районных газет. В середине июля Константин Тыщенко отметил свое 85-летие и по случаю знаменательной даты решил поделиться воспоминаниями о своей боевой молодости. Его живой рассказ был записан на диктофон, а потом превратился в газетный материал, публикуемый на этой странице.

ЗАВТРАК ПОД ОБСТРЕЛОМ

- Крым мы начали освобождать с Перекопа. Тогда в командование 13-м корпусом пришел Чичибадзе, который сменил Захарова. А в корпус входили три дивизии – 33-я, 24-я и наша, 87-я. Где-то 9 мая 24-я дивизия пошла брать город Саки, затем Евпаторию. А мы пошли левее. И вот к Севастополю по левой стороне вышли на Инкерманские высо-

ты. Мы получили приказ начать штурм в направлении Корабельной бухты, Морзавода. Я со своей пушкой как раз высочил на одну из возвышенностей. И с нее мне открылась великолепная панорама: Владимирский собор Севастополя, Графская пристань и катера в морском заливе. Немцы собирались драться, потому что целых три дивизии наших войск готовились брать город.

Я глянул на купол собора и увидел, что там что-то блеснуло; тут же прильнул к тяжелому 12-кратному морскому биноклю, который был у меня под рукой. В одном из окошечек увидел установленную стереотрубу и понял, что это – вражеский наблюдательный пункт. Я сразу пушку развернул, скомандовал заряжающему: «Снаряд!». Снаряд щелкнул в затворнике, мы долбанули и точно попали по цели. Потом еще пару снарядов отправили туда же.

Нам было известно, что по соседству с городом находился немецкий аэродром, на котором базировались истребители. А рядом с местом размещения нашей пушки был огромный, высотой в двухэтажный дом, валун, заросший кустарником. Я всем трем пушечным расчетам, которые на марше подходили к городу, приказал спрятаться за этим большим камнем, чтобы не попасть под авианалет. Тут как раз нас догоняет полевая кухня, а мы с утра ничего не ели. Замаскировались, значит, за этим валуном и готовились уже сесть за трапезу.

И тут подъезжают два женских зенитных расчета. Один расчет – четверо или пятеро девчат – сразу же занял боевые позиции, а остальных зенитчиц мы пригласили к своему столу позавтракать. Вдруг раздался страшный авиационный гул. Это немцы решили отомстить за ликвидацию своего наблюдательного пункта. И подлетевший самолет стал пикировать. Но он пикировал не на нас, поскольку не видел за огромным валуном, а на девчатах зенитчиц. Девчата не растерялись и выпустили пять снарядов ему навстречу. Самолет как был в пике, так и воткнулся в зенитное орудие. Конечно, от орудия только осколки разлетелись. Девчата, которые разделили с нами трапезу, безутешно рыдали, ведь на их глазах погибли боевые подруги. Конечно, это была большая трагедия и большая потеря, каких в годы войны было немало.

А нашей дивизии предстояло продолжить выполнение своей боевой задачи: спуститься к морю и огнем поддерживать наступление наших войск, чтобы завладеть городом. Мы даже похоронить девчонок не смогли. Вот такая была обстановка.

Город был успешно взят, мы вышли на Малахов курган и двинулись дальше в направлении Камышовой бухты. А на следующий день после освобождения Севастополя наша дивизи-

зия получила приказ покинуть Крым.

ГЕРОИ-НАВОДЧИКИ

В боевой биографии Константина Тыщенко были и бои за Кенигсберг.

- Наш 261-й полк наступал в направлении форта Лендорф. С левой стороны форт был окружен древними деревьями, высокими и ветвистыми. И где-то за ними я обнаруживаю окопы четырех 105-миллиметровых немецких батарей. Доложил об этом старшему по батарее Шевкунову, а он сообщил выше, уже на КП полка, что, мол, обнаружили боевой щит Лендорфа. А на этом направлении должна была прорываться наша танковая бригада, состоящая из двух полков. Местность очень болотистая, танки могут идти только очень медленно, потому что проваливаются в вязкую почву.

Командир полка Пивоваров командует: «Даю тебе 150 снарядов на каждое орудие, корректируй огнем!». А я обнаружил только окопы! А сами пушки где? Скрыты в капонирах! Я должен был не прокараулить, когда немцы станут выкатывать из схронов орудия на открытые площадки, после чего необходимо было немедленно открывать огонь, 150 снарядов на каждую пушку. Мои наводчики – Коган, Перец и Вася Светличный. Даю им команду: «Левее форта ноль-пятнадцать, прицел – десять, бить по кронам деревьев!». И наблюдаю. Как только немцы начали пушки выкатывать, даю следующую команду: «Огонь!». Наша пушка – «ЗИС-3», полуавтомат, выпускает 25 снарядов в минуту. Мгновения – и кроны у деревьев снесены, и выкаченны пушек лежит мертвая прислуга. Весь наш расчет действовал точно и по-военному напористо, смело.

Очень жаль, что мои наводчики не получили за штурм Лендорфа никакой награды. Сам я был награжден за эту боевую операцию «Орденом Красного Знамени». Настоящими героями как раз и были наводчики, которые под сплошным минометным огнем сумели подавить врага. Если бы не они, то двенадцать немецких пушек с нашей танковой бригадой разделились бы как повар с картошкой. Потому что машины идут медленно, люки открываются... Короче, в итоге ни один наш танк на этом марше не пострадал, и командиры, высовываясь из люков, приветствовали моих наводчиков, благодарили их. Мы, конечно, обошли форт и «зацепились» за первые кварталы Кенигсберга. А потом по Каштановой аллее проехали до Северного кладбища. В районе Северного кладбища было окружено до 60 тысяч солдат и офицеров противника. Мы около полутора часов «угощали» их нашими снарядами, и немцы попрыгали в склепах. Началась наша операция 6 апреля, а уже 9 апреля они капитулировали.

Записал Александр ЖЕТМЕКОВ.